

Глава 12. Пусть любовь пустит корни

Каково это — лететь в бездну? Наверное, очень похоже на американские горки или прыжок с тарзанки. Вот только там ты ищешь острых ощущений ради забавы, твердо зная, что рано или поздно под ногами снова окажется земная твердь. Здесь же душа уходит в пятки, а разум мгновенно пустеет, не оставляя места ни единой мысли.

В то роковое мгновение, когда они сорвались в пропасть, Лу Шэн успел прижать к себе Се Наня. Но падение было слишком стремительным. Тело отказывалось подчиняться, пальцы сами собой разжались. Никто не знает, о чем он думал в эту долю секунды, но когда рассудок вернулся к нему, Лу Шэн уже перевернулся в воздухе, подставив собственную спину, чтобы принять на себя весь удар.

«Так ты хотя бы умрешь без лишних увечий...»

«Прости меня. Наша свадьба стоила тебе жизни. Если нам суждено встретиться в ином мире, я больше не проявлю мягкотелости, которая погубила тебя. Я буду беречь тебя... мой муж-супруг».

Раненый Се Нань полуприкрыл веки. Боль утихла — верный признак того, что смерть уже близко. В голове царила звенящая пустота, сквозь которую беззвучной кинолентой пронеслись все двадцать восемь лет его жизни.

«Какая глупость... Еще вчера я не видел смысла жить, а теперь, когда стою на пороге могилы, мне так отчаянно хочется остаться. Если... если я выживу, если очнусь, клянусь, я начну все заново. Я буду жить вопреки всему!»

Из-под ресниц покатилась горькая слеза. Услышат ли небеса эту отчаянную мольбу измученной души?

Сдавленный хрип, треск ломающихся веток — и тишина.

Оказалось, под покровом клубящихся туманов скрывалась не бездонная каменистая пропасть, а густая лесная чаща. Падая, они задевали сплетения ветвей, которые гасили скорость, смягчая смертоносный удар. В конце концов оба тяжело рухнули на толстый сук векового дерева и потеряли сознание. Но главное — они остались живы.

Из лесной глуши донесся протяжный, леденящий душу вой.

«Волки...»

Сырой ночной воздух заставил Се Наня содрогнуться. Преодолевая липкий страх перед дикими хищниками, он с трудом разомкнул веки. Тело отозвалось невыносимой мукой. Простреленное

правое плечо горело огнем, кости ныли после падения с высоты. Если бы не Лу Шэн, принявший основной удар на себя, Се Нань уже давно был бы мертв.

Как только вернулось сознание, навалилась и нестерпимая боль. Се Нань, выросший в изнеженном современном мегаполисе, отродясь не сталкивался с подобными увечьями. Его неизбалованный суровыми испытаниями организм реагировал на ранения обостренно — лицо молодого человека исказилось от невыносимой судороги.

Оглядевшись, он понял, что они все еще висят на раскидистой ветви.

— Эй, Лу Шэн... Очнись, ну же, проснись!.. — Се Нань тихонько потряс его за плечо.

Ответа не последовало. Сердце Се Наня болезненно сжалось. Дрожащими пальцами он прикоснулся к груди мужчины и, нащупав слабый, но ровный ритм, с облегчением выдохнул.

Но положение Лу Шэна было куда серьезнее. Только сейчас Се Нань осознал, что лежит прямо на нем. Стало понятно, почему сам он отделался лишь ушибами: Лу Шэн послужил ему живым щитом, приняв на себя удары всех хлещущих ветвей и острых сучьев.

— А ты ведь неплохой человек, Лу Шэн, — прошептал Се Нань, глядя на бледное лицо мужа. — Если бы наше знакомство не началось так паршиво, мы могли бы стать отличными друзьями. И зачем только судьба все так перевернула? Вместо названного брата сделала меня твоей... ладно, пустое. Обещаю тебе: чего бы мне это ни стоило, я вытащу нас отсюда.

В его взгляде появилось твердое решение.

Оценив высоту до земли, Се Нань зажал ладонью раненое плечо, а другой рукой крепко обхватил обмякшее тело Лу Шэна. Зажмурившись, он сделал глубокий вдох и решительно перевалился через край ветки.

Раздался глухой удар. Сухая листва взметнулась в воздух и медленно опустилась на землю вокруг них.

Чтобы не усугубить травмы находящегося без сознания Лу Шэна, Се Нань во время падения сгруппировался, подставив под удар собственное тело и сработав как амортизатор.

— Хм... А-а... — Се Нань шумно, прерывисто дышал. Обливаясь холодным потом, он едва сдерживал стон. Кто бы мог подумать, что падение с жалкой трехметровой высоты окажется настолько болезненным? Кое-как приподнявшись, он убедился, что Лу Шэн не пострадал при приземлении, и бессильно откинулся на траву, переводя дух.

Но передышка была недолгой. Лу Шэн лежал ничком на его груди, обнажая свою спину. Взглянув на нее, Се Нань похолодел от ужаса. Стало предельно ясно, почему тот не приходил в

себя.

Вся спина Лу Шэна превратилась в сплошное кровавое месиво. Из разорванной плоти торчали обломки веток разной толщины. Се Нань дрожащими руками ощупал его грудь и живот — к счастью, ни один сук не пробил тело насквозь. Иначе спасти было бы уже некого.

Но даже без сквозных ранений такая потеря крови могла стать смертельной. К тому же оставался риск повреждения внутренних органов, а это означало неминуемую гибель в лесной глуши. В голове Се Наня пульсировала единственная мысль: «Быстрее! Нужно торопиться! Скорее к семье Лу!» Только там, дома, Лу Шэну смогут оказать помощь.

— А-а-ах! — взвыл Се Нань. На его лбу вздулись вены.

Напрягая все оставшиеся силы, он взвалил раненого Лу Шэна себе на спину. Одно это движение выжало его досуха. Но он знал — падать нельзя. Пусть подгибаются и дрожат колени, пусть из простреленного плеча толчками хлещет кровь, пропитывая одежду, пусть каждый шаг дается с нечеловеческим трудом — он должен идти.

В поместье Лу этой ночью горели все огни. Никто не сомкнул глаз.

Выслушав доклад управляющего Маньфу, старая госпожа Лу резко переменилась в лице.

— Что?! — вскрикнула она, подавшись вперед.

Лицо управляющего выражало крайнее смущение:

— Госпожа, мы опоздали совсем на чуть-чуть... Как только второй молодой господин уехал, я, повинаясь вашему приказу, сразу же выслал за ним людей. Но по пути на молодого господина напали похитители. Мои люди бросились на выручку, завязалась потасовка, и мы потеряли драгоценное время. Когда мы наконец добрались до места, где держали старшего молодого господина, прогремели выстрелы... Старший молодой господин вместе со старшей молодой госпожой сорвались в пропасть.

— Ищите! Немедленно отправьте всех на поиски! Мой сын... мой Лу Шэн... — Старая госпожа Лу уставилась на управляющего невидящим, полным ужаса взглядом. Глаза ее налились кровью, грудь тяжело вздымалась. Известие подкосило ее. — Как я приказывала?! У этих идиотов совсем мозгов нет?! Мне плевать, как они это сделают! Пусть перевернут все ущелье, но найдут моего сына! Если не найдут — никто не получит ни гроша, а сами они сгниют в полицейском управлении!

Выкрикнув это, старая госпожа бессильно опустилась обратно в кресло, словно из нее разом выпустили весь воздух.

— Мой мальчик... Лу Шэн... — бессвязно шептала она, раскачиваясь из стороны в сторону. — Мой сын...

Управляющий Маньфу поспешно закивал и бросился исполнять приказ. Он прекрасно понимал масштаб катастрофы.

«Чертовы бездельники, — мысленно проклинал он своих людей, — такую беду накликali на наши головы!»

В просторной гостиной воцарилась удушливая тишина. Помимо старой госпожи, здесь присутствовали второй и третий сыновья — Лу Чэн и Лу Шан — вместе со своими женами, Ю Вэньцзин и Цай Я. Никто из них не смел даже вздохнуть полной грудью.

«Так матушка обо всем знала... С самого начала знала...»

«Она устроила все это намеренно! Хотела проверить, как далеко мы зайдем в борьбе за наследство...»

«Воистину, матушка превзошла саму себя!»

Старая госпожа медленно подняла голову. Внешне она казалась спокойной, но сыновья уловили в ее холодном взгляде полыхающий гнев. Обе супружеские пары кожей чувствовали: после этой ночи семейство Лу уже никогда не будет прежним.

— Я всю жизнь молилась лишь об одном — чтобы мои сыновья жили в мире и согласии, — негромко произнесла госпожа Лу. На ее бледных щеках поблескивали дорожки слез, но голос звучал на удивление ровно. — Я хотела проверить, осталось ли в ваших сердцах хоть немного братской любви. Ваш старший брат много лет провел за границей и никогда не зарился на семейное дело. А вы... Ха-ха! Вы решились на братоубийство!

Она горько усмехнулась, качая головой.

— Но и на мне лежит вина. Мой величайший грех в том, что я решила сыграть судьбами собственных детей. Я плела интриги ради блага семьи Лу всю свою жизнь, а в итоге сама же толкнула первенца в могилу. Какое суровое возмездие небес... Какая ирония!

— Матушка! — в один голос воскликнули Лу Чэн и Лу Шан.

— Молчать! Не смейте называть меня матерью! — Старая госпожа резко поднялась, ее голос так и обдал их ледяным холодом. — Как только найдут вашего старшего брата, мы разделим имущество. Семья Лу прекратит свое существование как единое целое!

Эти слова прозвучали подобно грому среди ясного неба. Мнимое раскаяние на лицах братьев сменилось неподдельным ужасом. Делить семью?! Этого нельзя было допустить ни в коем случае!

Мало того что раздел колоссального состояния — дело невероятно сложное, так еще и при сыновней любви матери Лу Шэну наверняка досталась бы львиная доля. К чему тогда были все их многолетние интриги и коварные планы? Осколки былого величия им не нужны. Им требовалась вся империя целиком — неразделенное богатство первых купцов Цзяньнана. Только ради этого стоило идти по головам.

Но старая госпожа Лу даже не взглянула на них. Холодным взмахом руки она приказала сыновьям и их женам убираться прочь.

Обменявшись полными злобы взглядами, братья разошлись по своим комнатам. Но в мыслях каждого из них крепла одна и та же решимость: разделу не бывать.

И ни одна живая душа в этом огромном доме ни разу не вспомнила о Се Нане — о новоиспеченной Старшей молодой госпоже, разделившей с ним падение. Окажись они оба мертвы на дне ущелья, по Се Наню в этом чужом для него мире никто не пролил бы и единой слезы.

Тем временем банда похитителей вместе с Сяо Чэнли уже томила за решеткой. Поместье Лу задействовало все свои связи, да и полицейское управление не собиралось церемониться с преступниками. Под замок бросили даже мелкого воротилу из игорного дома, решившего пожить на этом деле. Негодяи недооценили могущество клана Лу. Будь старая госпожа на несколько лет моложе, от этого притона не осталось бы и мокрого места.

Сяо Лушань узнал о случившемся лишь после ареста отца. Мысль о том, что его родитель осмелился похитить наследника Лу и Се Наня, повергла его в ужас. При воспоминании о юноше, который из-за его собственной трусости и эгоизма был вынужден пойти под венец с чужаком, сердце Сяо Лушаня болезненно сжалось.

«Мне нужно увидеть его. Чего бы это ни стоило, я должен узнать, что с ним...»

Тем временем у края обрыва сустились люди с факелами.

— Господин управляющий, как же мы спустимся в такую темень? А если на волков наткнемся?

— И то правда, господин Маньфу! Спуск к подножию займет всю ночь. Может, дождемся рассвета?

Эти люди должны были следовать за вторым молодым господином и вовремя вмешаться, чтобы спасти старшего брата. Однако по пути они наткнулись на наемников Лу Чэна, завязали

притворную драку ради отвода глаз, упустили время и позволили сообщникам младшего брата совершить задуманное.

Управляющий смерил трусов ледяным взглядом.

— Если жизнь дорога, спускайтесь немедленно, — отрезал он.

— Да-да, конечно... сию минуту...

Из темноты ущелья вновь донесся голодный волчий вой. Дрожа от страха и судорожно сжимая факелы, поисковики один за другим начали спускаться по крутому склону.

Тот же вой долетел и до ушей Се Наня. Сглотнув подступивший к горлу ком, он лишь крепче сжал зубы и упрямо пошел вперед. Боясь, что согбенная спина может навредить израненным внутренностям Лу Шэна, он изо всех сил старался держаться прямо. Это требовало колоссального напряжения, вытягивая из раненого юноши последние крохи жизни.

Крепко удерживая Лу Шэна за бедра, Се Нань продвигался вперед шаг за шагом. С каждым движением он чувствовал, как теплая кровь сочится из его плеча и капает на землю. Он не смел опустить голову — знал, что стоит лишь на секунду дать слабину, и он рухнет ничком, больше не в силах подняться. Расширенными от напряжения глазами он всматривался в ночную темень, упрямо карабкаясь вверх по каменистому склону.

Его рана кровоточила. Тонкий алый след тянулся от самого дна лесистого ущелья, отмечая путь нечеловеческого упорства.

В ночной тишине ущелья не раздавалось ни звука. Эта безмолвная пустота пугала, и Се Наню отчаянно захотелось нарушить ее собственным голосом, пусть даже его ноша не могла ответить.

— Слышишь, Лу Шэн... Дорога впереди долгая, конца-краю не видно. Давай поговорим, а? — Се Нань шумно втянул воздух ртом. — Молчишь? Ну, буду считать, что ты согласен.

— А-а-ах! — вскрикнул он, когда силы окончательно оставили его. Колени подогнулись, и он тяжело рухнул на землю.

Глаза застлала пелена слез.

— Надо же... разнылся как девчонка... Разве настоящие мужчины плачут от такой ерунды? — хрипло рассмеялся он сквозь слезы. — Ничего, сейчас... Ты не бойся, я встану. Смотри, сначала правая нога... Черт!

В крошечной тьме кто-то приоткрыл глаза, явив затуманенный взгляд. Но тот, кто тащил его на себе, не заметил этого слабого проблеска жизни. Лицо Се Наня искажилось в гримасе боли, мышцы одеревенели, отказываясь повиноваться. Он действительно не мог подняться.

— Ладно... сделаем небольшую передышку. Но я встану, обязательно встану. Я обещал вернуть тебя домой, в поместье Лу, и я это сделаю.

Он простоял на коленях четверть часа, прежде чем хрипло прошептать:

— Ну все, брат... На этот раз точно получится.

Преодолевая тупую, изнуряющую боль, он оперся сначала на левую ногу, затем на правую и заставил себя выпрямиться. Впереди лежал долгий путь.

Сознание Лу Шэна двоилось, голова раскалывалась, а веки казались налитыми свинцом. О том, чтобы заговорить, не могло быть и речи. Но каждое слово, произнесенное Се Нанем в эту кошмарную ночь, навсегда врезалось в его память:

«Держись, брат, я доведу тебя до дома...»

«Вот видишь, я еще могу идти!»

«Скоро придем. Совсем немного осталось».

«А ночь-то какая красивая... Луна светит, звезды...»

«Значит, завтра непременно будет ясный день...»

Из-под полуприкрытых век Лу Шэна покатались беззвучные, горячие слезы. Они пропитали ткань рубахи на плече Се Наня, оставив глубокий след в его измученной душе.

Се Нань плохо знал эти места. Все, на что у него хватило сил — выбраться из ущелья наружу, а затем упрямо брести наобум, продираясь сквозь густые заросли дикой травы, которая безжалостно рвала его расшитый китайский костюм. Поднявшись на вершину плато, он не почувствовал облегчения. Взгляд его остекленел, а ноги продолжали механически двигаться вперед. Разум удерживал лишь одну цель: добраться до поместья Лу.

Сбиваясь с пути, плутая в предрассветных сумерках, он наконец добрался до окраины городка. Губы Се Наня посинели от холода и истощения.

На востоке небосклон начал медленно окрашиваться нежно-розовым предрассветным заревом.

Из ближайшего двора донеслось звонкое пение петуха, возвещающее о начале нового дня.

Старая госпожа Лу всю ночь просидела в кресле, подперев голову рукой. Свеча на столе оплыла и окончательно погасла, знаменуя конец этой бесконечной ночи. Но ее первенец так и не вернулся.

Слуги поместья тоже не сомкнули глаз. Когда госпожа Лу медленно поднялась и вышла на крыльцо, на лицах челяди читалось глубокое сострадание. Горечь утраты родного дитя витала в воздухе тяжелым саваном.

В ожидании вестей ворота усадьбы оставили распахнутыми настежь. Старая госпожа с воспаленными от слез и бессонницы глазами всматривалась в пустую улицу. Прошла ночь, но дорога оставалась безмолвной.

Она уже собиралась развернуться и уйти в дом, как вдруг краем глаза уловила какое-то движение у ворот. Сердце ее пропустило удар, и она резко повернулась. В то же мгновение все вокруг — и клевавшие носом охранники, и уставшие слуги — устремили взоры к выходу.

Дежуривший у ворот Гуйсэн вдруг истошно, радостно завопил:

— Старшая молодая госпожа! Старший молодой господин! Госпожа, они вернулись! Старшая молодая госпожа привела старшего господина на себе! Они живы!

Слезы градом покатались по лицу пожилой женщины.

— Вернулись... Неужели вернулись? Господи, живые... — Голос ее сорвался на рыдания, но она тут же взяла себя в руки и зычно закричала: — Живее! Разбудите лекаря! Пусть немедленно осмотрит моего Лу Шэна! О боги, мой мальчик...

Се Нань неподвижно стоял у порога, пока подбежавшие слуги бережно снимали Лу Шэна с его плеч. Как только тяжелая ноша исчезла, последнее устремление воли покинуло его. В глазах потемнело, колени подогнулись, и он без чувств рухнул на каменные плиты двора.

— Боже мой, молодая госпожа! — раздались испуганные крики вокруг.

Спустя некоторое время к запыхавшемуся управляющему Маньфу подбежал один из отправленных в ущелье людей:

— Господин управляющий! Мы обшарили все подножие обрыва — там никого. Но в стороне от главного спуска есть старая тропа... И вся она залита кровью. Кровавый след тянется снизу до самого верха.

<http://bllate.org/book/20305/2134687>